

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП РАСКУЛАЧИВАНИЯ В СССР (1945–1952 г. г.)*

ВИКТОР ШАШКОВ

Раскулачивание в СССР – актуальная и недостаточно разработанная проблема в истории Отечества и в современном обществоведении стран СНГ. Оно предстает одну из драматических глав в истории советского общества, в судьбах народов СССР и повлекло за собой негативные социально-политические, экономические и духовно-нравственные последствия.

На протяжении целой эпохи, всего советского периода Отечественной истории, процесс раскулачивания и судеб „бывших кулаков“ – спецпереселенцев были не только неудобной, но временами пасной и запретной темой для исследований. Даже сейчас в условиях гласности и доступности этой темы не все архивные материалы стали достоянием исследователей.

Теоретическая значимость проблемы раскулачивания в СССР обусловлена тем, что она позволяет раскрыть в геополитическом пространстве ближнего зарубежья на новом уровне исторических знаний ряд актуальных вопросов истории советского периода: эволюцию выработки и осуществления „ликвидации кулачества как класса“, роль ОГПУ и КГБ в раскулачивании крестьянских хозяйств, новые хронологические рамки процесса раскулачивания в СССР, репрессивный механизм выселения крестьянских семей, и их судьбы в регионах спецпоселений.

Вопреки стратегии ЦК ВКП(б) и Советского правительства в кратчайший срок „разгромить кулачество, ликвидировать его как

* Pastaba: Redkolegija nesutinka su daugeliu šio straipsnio autoriaus apibendrinimų, terminų ar išvadų, kai kas yra diskutuotina. Vis tik redkolegija mano, kad dr. Viktoro Šaškovo straipsnyje esanti faktinė medžiaga gali būti gana įdomi Lietuvos istorikams. Dr. V. Šaškovas ši straipsnį leidinio redkolegija atsiuntė savo iniciatyva.

класс“, раскулачивание в СССР растянулось на 25 лет. В процессе раскулачивания были разгромлены более 1 миллиона крестьянских хозяйств, уничтожены физически около миллиона и исковерканы морально судьбы шести миллионов ни в чем не повинных людей. Раскулачивание и сегодня острой болью отзывается в сердцах многих миллионов людей всех народов, входивших в состав СССР.

Согласно традиционной точки зрения отечественной исторической науки раскулачивание в СССР началось в конце 1929 года. Массовое раскулачивание и выселение было проведено в два этапа: в 1930 г., в ходе которого было раскулачено 337 563 крестьянских хозяйства, из них выслана в отдаленные регионы СССР 115 231 семья в составе 559 532 человека; в 1931 г. – раскулачено около 250 тысяч хозяйств и выслано 265 795 раскулаченных семей, в составе которых было 1 243 860 человек¹.

Раскулачивание и выселение раскулаченных семей в отдаленные и необжитые районы СССР представляют две стороны единого и трагического процесса. Основные положения по раскулачиванию и выселению „кулацких семей“ содержались в инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. и в приказе ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г., подписанного Г7 Г. Ягодой.

Директива о выселении „кулацких семей“ первой и второй категорий была дана в приказе ОГПУ № 44/21 одновременно с началом массовой компании по раскулачиванию.

Раскулачивание и выселение раскулаченных семей замыслилось как крупномасштабная военная операция и осуществлялось в два этапа: первый – в 1930 г., второй – в 1931 г.

Стратегия и тактика политики ВКП(б) и Советского правительства по раскулачиванию нашли свое практическое воплощение в деятельности органов ОГПУ, которые сыграли решающую роль в осуществлении этой репрессированной политики. Основные установки приказа № 44/21 и последующих директив ОГПУ сводились к следующему:

2. „Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (б. помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в северные районы СССР и конфискация их имущества (2-я категория).

3. Для непосредственного руководства операций по выселению кулаков второй категории и их семейств (тщательного наблюдения за отбором выселяемых и за проведением раскулачивания) на местах организовать оперативные тройки.

4. Для приема, учета и бесперебойной отправки выселяемых – создать сборные пункты, во главе с комендантом.

5. В районах и округах обеспечить тщательное наблюдение за составлением списков кулаков и их семейств (для выселения и конфискации имущества), а также за самой кампанией по выселению“².

Накануне массовой „кампании“ по раскулачиванию оперативные тройки ОГПУ пронизывали всю социальную структуру советского общества. Они создавались в республиках, краях, областях, округах и районах.

Выселение раскулаченных семей в отдаленные районы Севера, Урала, Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, Якутии и других регионов СССР осуществлялось исключительно органами ОГПУ в репрессивных формах. Согласно стратегии руководящих органов ОГПУ кампания по раскулачиванию и выселению „кулацких семей“ в отдаленные регионы СССР была спланирована и осуществлена как крупномасштабная „военная операция“. Для перевозки в 1930–1931 годах свыше 2 миллионов членов раскулаченных семей ОГПУ сформировало и закрепило за 16 республиками, краями и областями 1700 товарных эшелонов с закреплением конкретной нумерации эшелонов за регионом ссылки. Эшелоны с раскулаченными семьями с февраля 1930 г. следовали днем и ночью, летом и зимой два года подряд к

месту назначения „в порядке воинского расписания мирного времени“³. В каждом эшелоне насчитывалось от 15 до 18 тщварных вагонов, в которых нфходилось по 1500–1800 человек, в том числе детей и стариков.

Основная масса раскулаченных семей-спецпереселенцев была расселена в средпоселках, построенных их собственными руками. Во главе спецпоселка стоял комендант, который от имени Советской власти был наделен всей полнотой исполнительной и административной власти. К концу 1931 года в ГУЛАГе сложилась система спецпоселений, представленная спецпоселками, поселковыми и районными комендатурами. К 1936 году в системе ГУЛАГа находилось 1845 спецпоселков, в которых проживало 278 700 раскулаченных семей, в числе которых насчитывалось 1 066 633 человека.⁴

Однако в ходе углубленного анализа проблемы раскулачивания выяснилось, что массовое раскулачивание крестьянских семей в СССР проходило и в 1933, 1936, 1949 и в последующие годы.

7 февраля 1933 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода направил в Новосибирск полномочному представителю ОГПУ (ППОГПУ) Алексееву совершенно секретную записку по прямому проводу. В ней говорилось: „В Западной Сибири преимущественно в северных районах в течение зимы-лета текущего года до закрытия навигации будут расселены для освоения в сельском хозяйстве, рыбных, кустарных промыслов новый контингент (имеется ввиду спецпереселенцев А.) в пределах одного миллиона человек“⁵.

В тот же день Совнарком СССР принял постановление № 153/29сс „О спецпереселенцах высланных из Северного Кавказа, Нижней Волги, Закавказья и Украины“. На основании этого постановления из указанных регионов в Северный край и Сибирь было выслано с апреля по июнь 11 600 раскулаченных семей, в количестве 46 164 человек. Они направлялись на работу в наркоматы тяжелой и лесной промышленности. На их обустройство было выделено 23 025 тысяч рублей.

В постановлении СНК СССР № 1796/393 сс от 21 августа 1933 г. „Об организации трудовых поселений“ отмечено, что к 31 августа в трудпоселки ОГПУ Западной Сибири и Казахстана выслано 124 000 человек раскулаченных, т. е. 31 тысяча семей. До конца года сюда предлагалось направить еще 12 тысяч „кулацких семей“ 48 тысяч человек выселяемых в индивидуальном порядке. Следовательно в 1933 г. по заниженным данным в Северный край, Западную Сибирь и Казахстан было выслано 54 600 раскулаченных семей в количестве 218 164 человека. Кроме того сюда были направлены из мест лишения свободы 133 400 глв крестьянских семей, осужденных на срок от 3 до 5 лет „за саботаж хлебозаготовок“ с доставкой к ним их семей в количестве 378 тысяч человек.⁷ Таким образом, на основании архивных данных можно утверждать, что в 1933 г. было раскулачено и выслано в Северный край, Западную Сибирь и Казахстан 188 000 крестьянских семей в количестве 596 164 человека. Кроме того в 1936 г. из Украины, Казахстана, Чечено-Ингушетии было переселено в Казахстан и Киргизию 19 630 раскулаченных семей в количестве 98 850 человек.⁸

В конце 1940 и начале 1941 годов после присоединения к СССР Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии, западных регионов Украины и Белоруссии на этих территориях были арестованы и осуждены на различные сроки в тюрьмы и лагеря НКВД СССР „бывшие помещики, фабриканты и торговцы“, а их семьи высланы в административном порядке в отдаленные районы Красноярского, Алтайского Краев, Казахстана, Якутии, Тюменской и Кировской областей. При выселении семей „им не были определены сроки высылки, а некоторым объясняли, что они высылаются на 20 лет“.

В 1948 г. на учете МВД СССР находилось 5 тысяч высланных из этих республик и областей семей в количестве 17 067 человек без глав семей, которые находились в тюрьмах и лагерях. В числе высланных из Прибалтийских республик было 9 480, из

Бессарабии 4 920, из западных областей Украины и Белоруссии – 2 667 человек.⁹ Министерство Госбезопасности СССР ставило вопрос перед Президиумом Верховного Совета СССР об оставлении этих семей „на спецпоселении навечно“.

Следовательно, на третьем этапе раскулачивания с 1933 по 1940 годы было подвергнуто разорению в общей сложности 212 630 крестьянских хозяйств.

Последний, четвертый этап раскулачивания в СССР был осуществлен в 1945–1952 годах. За этот период в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Белоруссии, Средней Азии, Измайльской и Псковской областях было раскулачено 65 204 семьи.¹⁰ В этот период репрессивная волна раскулачивания четыре раза прокатилась по Литовской ССР, в ходе которой в 1945, 1948, 1949, 1951 годах было раскулачено 28 521 крестьянская семья, в количестве 99 336 человек.¹¹

Подробный анализ о географии, динамике и количестве раскулаченных крестьянских хозяйств на завершающем этапе раскулачивания в 1945–1952 гг. можно сделать по таблице.

Таблица 1. Сведения о географии, динамике и количестве раскулаченных крестьянских хозяйств в 1945–1952 гг.

№№ пп	Регионы раскулачивания	Годы	Количество семей	В них людей
1.	Литовская ССР	1945	1500	6320
2.	Литовская ССР	1948	13398	43011
3.	Измайльская область	1948	350	1948
4.	Латвия, Литва, Эстония	1949	32700	94592
5.	Молдавская ССР	1949	11058	34817
6.	Средняя Азия	1950	511	2735
7.	Псковская область	1950	432	1415
8.	Литовская ССР	1951	4105	18097
9.	Белорусская ССР	1952	1150	4431
Всего:			65204	207336

Таким образом в послевоенный период репрессивная политика раскулачивания крестьянских хозяйств была возрождена и продолжена. Она охватила пять республик и две области, и осуществлялась в тех регионах СССР где сохранялась социальная база противников колхозного строительства. Наиболее тяжкие испытания выпали на долю крестьянства Литовской ССР. Литовские крестьяне составили почти половину репрессированных и депортированных крестьян на завершающем этапе раскулачивания в СССР.

Наиболее масштабная кампания раскулачивания была осуществлена в Прибалтийских республиках в марте 1949 г. В соответствии с постановлением Совмина СССР № 190/136сс от 29 января 1949 г. в обстановке строжайшей секретности была подготовлена и проведена опергруппами и войсками МГБ СССР с 1 по 25 марта „операция –сообщал Министр Внутренних дел С. Н. Круглов в мае 1949 – Л. П. Берия по изъятию и выселению из Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями и семей бандитов и националистов“¹². Заскулачивание крестьянских хозяйств проводилось исключительно в жестких, репрессивных формах. За это время в странах Балтии было раскулачено 32 700 семей в составе – 94 592 человека. Все раскулаченные семьи: 13 624 из Латвии; 9 518 из Литвы; 7 488 из Эстонии „были выселены навечно в Красноярский край, Томскую, Омскую, Иркутскую и Амурскую области“.¹³

Раскулачивание по традиции проводилось исключительно органами МГБ СССР в течении 25 дней и по форме носило характер внезапного ареста. Большую помощь в этой карательной „операции“ МГБ СССР оказало Министерство внутренних дел. „По просьбе МГБ СССР, – сообщал С. Н. Круглов – Берия Л. П., – для проведения операции по изъятию этого контингента с мест прежнего жительства МВД СССР выделило большое количество личного состава сотрудников и мобилизовало автомобильный транспорт. В одной только Латвии было передано

в распоряжение МГБ Латвийской ССР для проведения операции 1 406 сотрудников МВД, из которых 632 выполняли задание МГБ в качестве начальников оперативных групп. МВД Эстонии выделило в распоряжение МГБ – 1 275 сотрудников“.¹⁴

Оперативные группы и войска МГБ прибыли на места (в районы и села) за 7–10 дней до начала кампании по раскулачиванию. Несмотря на тщательную конспирацию предстоящей операции, значительная часть латышей, литовцев и эстонцев заранее знали о предстоящем выселении. В связи с этим обстоятельством, – сообщал С. Н. Круглов своему шефу – Берия Л. П., – во многих кулацких и бандитских домах во время операции оказались только старики, женщины и дети, а значительная часть трудоспособных мужчин скрылась“.¹⁵ Так, по данным МВД Латвийской ССР только в Рижском уезде скрылось около 30% всех трудоспособных мужчин. В Валкском уезде из погруженных в эшелон № 97 327 выселенцев, мужчин было всего 26%, из них 40% в возрасте от 60 до 95 лет.

Как же на практике проводилось раскулачивание? Может быть органы госбезопасности учли репрессивно-драматический опыт 30-х годов? Многострадальный процесс раскулачивания и выселения крестьянских семей в 30-е годы не был проанализирован и учтен чекистами. Раскулачивание в Прибалтийских республиках и выселение раскулаченных семей осуществлялось более жесткими антигуманными методами. Министерством госбезопасности СССР было установлено, что сборы каждой выселяемой семьи „должны продолжаться – один час“, „однако, опегруппами это время не соблюдалось, – констатировал С. Н. Круглов, – и они самовольно сокращали время сборов до 15 минут“. В связи с этим от выселенцев поступали многочисленные жалобы о том, что они не могли взять с собой постельные принадлежности, необходимой одежды и продуктов питания“.

„Выселенка латышка Шкапорс, проживающая в Алтонской волости Латвийской ССР была вызвана в волость. В ее отсутствие

Начальник ГУЛАГа Л. Берман в рапорте от 7 мая 1933 г. сообщал заместителю начальника ОГПУ: „Во всех прибывших с Северного Кавказа эшелонах отмечается исключительно высокая смертность и заболеваемость преимущественно сыпным тифом и острожелудочными заболеваниями.

По сообщению начальника Сиблага ОГПУ из состава прибывших с Северного Кавказа в Новосибирск эшелонов трудпоселенцев №№ 24, 25, 26, 27, 28 и 29 общей численностью 10 185 человек, умерло в пути 341 человек, т. е. 3,3%, в том числе значительное количество от истощения. Такая высокая смертность объясняется:

Преступно-халатным отношением к подбору контингента, выселяемых в трудопоселки, результатом чего явилось включение в этапы стариков, явно не могущих выдержать длительную перевозку“.²⁰

На завершающем этапе раскулачивания социальный состав и страдания спецпоселенцев не изменились. В послевоенный период в числе раскулаченных и высланных в места спецпоселений оказались женщины, беспомощные дети и старики, некоторые из которых не вынесли насильственной депортации.

Так в числе переселенцев из Прибалтики погруженных в 76 эшелонов „оказалось 2 852 дряхлых стариков-одиночек, из которых умерло в пути 25 человек и детей беспризорников 185 человек“.²¹

В трех эшелонах, прибывших в Новосибирскую область „имелось 9 человек умалишенных, среди которых одна семья умалишенных в количестве 3-х человек.“²² Таковы страшные эпизоды репрессивной политики раскулачивания и переселения крестьянских семей в отдаленные регионы СССР.

С 5 по 18 апреля 1949 г. все 76 эшелонов с выселенцами из Прибалтики были разгружены на станциях назначения в Омской, Новосибирской, Томской, Амурской областях и Красноярского края. „Как в пути следования, так и на станциях разгрузки, –

подчеркивал С. Н. Круглов – как акт величайшего гуманизма, все выселенцы получали ежедневно горячее питание“.²³

На станциях разгрузки были организованы приемные пункты, откуда спецпереселенцы развозились работниками милиции и председателями колхозов „в соответствующие колхозы и совхозы. Раскулаченные семьи „в порядке жилищного уплотнения местного населения“ были размещены в специально подготовленных помещениях; отдельных домах, квартирах и общежитиях.

Однако жилищно-бытовые условия спецпоселенцев последней волны раскулачивания были тяжелыми. Вот как их оценивал начальник отдела спецпоселений МВД СССР полковник Шиян в справке направленной в министерство.

„В Иркутской области из 18 194 выселенцев переданных для трудового использования 392 колхозам области около 50% не обеспечены нормальными жилищно-бытовыми условиями. В многоквартирных домах расселено по 2–3 семьи. Дома требуют ремонта крыш, дверей, окон. Некоторые выселенцы вместе с семьями живут в клубах, сараях, на чердаках.

В колхозе им. Ленина Боханского района 7 семей выселенцев живут в клубе, спят на общих нарах. Никакого домашнего инвентаря в помещении не имеется.

В колхозе им. 1-го августа Боханского района семья выселенцев помещена в полуразрушенный чулан. Там же выселенка вместе с 6-ю малолетними детьми вселена в амбар, расположенный на колхозном дворе.

В колхозах Усольского района: „Страна Советов“, „Прогресс“, „Вперед к социализму“ и др. выселенцы живут в помещениях гаражей, клубов и т. д. ...“.²⁴

„Выселенцы-эстонцы обеспечены жильем хуже других поселенцев. По 8 районам Новосибирской области в колхозах расселено 1 192 семьи, 2 761 человек выселенцев-эстонцев. Собственные дома имеют только 111 семей. Остальные проживают

Начальник ГУЛАГа Л. Берман в рапорте от 7 мая 1933 г. сообщал заместителю начальника ОГПУ: „Во всех прибывших с Северного Кавказа эшелонах отмечается исключительно высокая смертность и заболеваемость преимущественно сыпным тифом и острожелудочными заболеваниями.

По сообщению начальника Сиблага ОГПУ из состава прибывших с Северного Кавказа в Новосибирск эшелонов трудпоселенцев №№ 24, 25, 26, 27, 28 и 29 общей численностью 10 185 человек, умерло в пути 341 человек, т. е. 3,3%, в том числе значительное количество от истощения. Такая высокая смертность объясняется:

Преступно-халатным отношением к подбору контингента, выселяемых в трудовые поселки, результатом чего явилось включение в эшелоны стариков, явно не могущих выдержать длительную перевозку“.²⁰

На завершающем этапе раскулачивания социальный состав и страдания спецпоселенцев не изменились. В послевоенный период в числе раскулаченных и высланных в места спецпоселений оказались женщины, беспомощные дети и старики, некоторые из которых не вынесли насильственной депортации.

Так в числе переселенцев из Прибалтики погруженных в 76 эшелонов „оказалось 2 852 дряхлых стариков-одиночек, из которых умерло в пути 25 человек и детей беспризорников 185 человек“.²¹

В трех эшелонах, прибывших в Новосибирскую область „имелось 9 человек умалишенных, среди которых одна семья умалишенных в количестве 3-х человек.“²² Таковы страшные эпизоды репрессивной политики раскулачивания и переселения крестьянских семей в отдаленные регионы СССР.

С 5 по 18 апреля 1949 г. все 76 эшелонов с выселенцами из Прибалтики были разгружены на станциях назначения в Омской, Новосибирской, Томской, Амурской областях и Красноярского края. „Как в пути следования, так и на станциях разгрузки, –

подчеркивал С. Н. Круглов – как акт величайшего гуманизма, все выселенцы получали ежедневно горячее питание“.²³

На станциях разгрузки были организованы приемные пункты, откуда спецпереселенцы развозились работниками милиции и председателями колхозов „в соответствующие колхозы и совхозы. Раскулаченные семьи „в порядке жилищного уплотнения местного населения“ были размещены в специально подготовленных помещениях; отдельных домах, квартирах и общежитиях.

Однако жилищно-бытовые условия спецпоселенцев последней волны раскулачивания были тяжелыми. Вот как их оценивал начальник отдела спецпоселений МВД СССР полковник Шиян в справке направленной в министерство.

„В Иркутской области из 18 194 выселенцев переданных для трудового использования 392 колхозам области около 50% не обеспечены нормальными жилищно-бытовыми условиями. В многоквартирных домах расселено по 2–3 семьи. Дома требуют ремонта крыш, дверей, окон. Некоторые выселенцы вместе с семьями живут в клубах, сараях, на чердаках.

В колхозе им. Ленина Боханского района 7 семей выселенцев живут в клубе, спят на общих нарах. Никакого домашнего инвентаря в помещении не имеется.

В колхозе им. 1-го августа Боханского района семья выселенцев помещена в полуразрушенный чулан. Там же выселенка вместе с 6-ю малолетними детьми вселена в амбар, расположенный на колхозном дворе.

В колхозах Усольского района: „Страна Советов“, „Прогресс“, „Вперед к социализму“ и др. выселенцы живут в помещениях гаражей, клубов и т. д. ...“.²⁴

„Выселенцы-эстонцы обеспечены жильем хуже других поселенцев. По 8 районам Новосибирской области в колхозах расселено 1 192 семьи, 2 761 человек выселенцев-эстонцев. Собственные дома имеют только 111 семей. Остальные проживают

в домах предприятий, учреждений, колхозов и на частных квартирах, причем 132 семьи занимают помещения, требующие ремонта. Многие выселенцы-эстонцы размещаются в порядке уплотнения в домах колхозников.

В колхозах Сугунского района 24 семьи выселенцев проживают в помещениях непригодных для жилья. Например в колхозе „Красный Восток“ 10 семей выселенцев занимают под жилье помещения, в которых нет печек, окон, двери разбиты, крыши протекают... .

В колхозе „Искра“ Черепановского района 9 семей выселенцев проживают в примитивных плетеных бараках засыпанных землей. В результате сильных дождей бараки размыло, стены в них обвалились, потолки обвисли и пропускают воду, внутри бараков сыро, окна и двери плохие...²⁵

В колхозе им. Чапаева Чистоозерского района 6 семей выселенцев помещены в одну квартиру. Председатель колхоза неоднократно обещал привести эту квартиру в порядок, однако свои обещания не выполнил.

В колхозе „Красный путиловец“ Пихтовского района 10 выселенцев помещены в проходную комнату сапожной мастерской совершенно неприспособленной для жилья...

На Ононском конном заводе Читинской области 25 спецпоселенцев проживают в бараке наимеющем крыши. В бараке нет печей, кухонных плит, двери и окна требуют ремонта...²⁶

„В совхозе „Алабуга“ Звериноголовского района Крганской области 57 семей выселенцев-колдован численностью 155 человек размещены в 13 комнатах каркасного барака, требующего капитального ремонта. Крыша барака протекает, в потолке образованы дыры, в комнатах нет даже нар, поэтому выселенцы спят на полу. В бараке вместе со здоровыми находятся 9 человек больных туберкулезом, малярией и другими простудными заболеваниями.²⁷

Промысловая кооперация изготовлением и продажей выселенцам предметов домашнего обихода не занимается. Никакой помощи в этом не оказывают выселенцам и руководители большинства хозяйственных организаций. В результате этого в ряде общежитий выселенцев совершенно отсутствуют топчаны, столы, скамейки, табуретки и др. предметы первой необходимости.

В торгующей сети крайне недостаточно имеется теплой одежды и обуви. Многие выселенцы не выходят на работу из-за отсутствия теплой одежды. Отмечены случаи опухания ног у выселенцев вследствие нахождения на работах босиком или в легкой обуви.

УНКВД по Курганской области информировало 17 и 30 сентября с. г. (1949 г. А.) облисполком Совета депутатов трудящихся о плохих жилищно-бытовых условиях выселенцев-молдован и просило принять надлежащие меры. Однако облисполкомом этот вопрос до настоящего времени рассмотрен не был. 10 октября с. г. УМВД в третий раз направило облисполкому информацию о жилищно-бытовом положении выселенцев²⁸. Как говорится, комментарии здесь излишни, факты убедительно раскрывают трагическую картину быта спецпоселенцев.

В связи с тем, что среди прибывших выселенцев имелось много нетрудоспособных, трудоустройство и материальное их обслуживание вызывало большие трудности.

Так из 6 898 взрослых спецпереселенцев, прибывших в Новосибирскую область – 2 409, т. е. более 30% имели возраст старше 55 лет в том числе, от 60 до 70 лет – 894, от 70 до 80 лет – 657, от 80 до 90 лет – 155 человек. Из лиц преклонного возраста 695 человек прибыли в область без родственников, которые их могли бы содержать. Кроме того среди прибывших имелось 146 инвалидов „совершенно неспособных к физическому труду“²⁹.

В числе прибывших в Омскую область 22 548 переселенцев-латышей было выявлено 870 нетрудоспособных инвалидов и

стариков, и 70 детей без родителей и родственников. Беспризорные дети были устроены в районных детских домах. В трудовом отношении спецпереселенцы были использованы в основном в сельскохозяйственном производстве. С этой целью они были размещены: в колхозах – 75 790; в совхозах – 16 005 и в промышленных предприятиях – 2 984 человека.³⁰

После размещения спецпереселенцев в колхозах и совхозах они были ознакомлены с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. и постановлением Совнаркома СССР № 35 от 8 января 1945 г. Им было разъяснено их правовое положение. После этого, – констатировал С. Н. Крутлов – „Настроение выселенных из Прибалтики значительно улучшилось“. Улучшению настроения спецпереселенцев способствовала хорошо организованная встреча их в колхозах и совхозах, размещение их в жилых помещениях, отвод земли под огороды. О настроении спецпереселенцев, их положении в Сибири свидетельствуют многочисленные высказывания.

Так например, выселенец Киндсхен говорил: „Когда нас выселяли из Эстонии, нам говорили, что вас выселяют в Сибирь, отвезут в глухое место, где нет никаких домов и нет людей и, что мы будем жить под открытым небом, а сейчас, когда мы приехали сюда, то видим совсем другое. Мы живем свободно, нам дали квартиру и работу“. Но были высказывания и другого толка. „Нас забрали для того, „говорила Питлиен Ольга, – чтобы наше добро осталось для русских. В Эстонии мы жили хорошо, но долго в Сибири мы жить не будем, война нас возвратит на родину. Меня выслали потому, что я отказалась вступить в колхоз“.³¹ И этот повод был главным для выселения „кулацких семей“.

В местах расселения спецпереселенцев Прибалтики были организованы спецкомендатуры МВД, для укомплектования которых из других республик, краев и областей направлено 429 милиционеров. Для спецкомендатур, организованных по приказу

МВД СССР № 00331 от 19 апреля 1949 г. было выделено 1 090 тысяч рублей. Все выселенцы были взяты на персональный учет спецпоселения и под надзор органов МВД СССР.³²

В первые годы пребывания в Сибири спецпоселенцы испытывали огромные трудности и лишения. Большинство из них (многодетные матери, одиночки, престарелые, инвалиды и другие нетрудоспособные) остро нуждались в материальном и продовольственном обеспечении. В первый год пребывания в Сибири спецпереселенцы употребляли „в пищу гнилой картофель и другие отбросы. Колхозы и совхозы не могли оказать нетрудоспособным спецпереселенцам надлежащей помощи. Местные органы власти также не решали вопросы их материального и продовольственного обеспечения. В связи с остротой и безысходностью сложившейся ситуации С. Н. Круглов в июне 1949 г. обратился к В. М. Молотову и предложил решить следующие вопросы:

1. Разрешить прием в члены колхозов выселенцев из Прибалтики добросовестно относящихся к труду на общих основаниях, за исключением семей крупных кулаков, для которых установить одногодичный испытательный срок.

2. Разрешить колхозам выделять продовольствие этим выселенцам, работающим в порядке натуроплаты за отработанные трудодни, наравне с другими колхозниками, независимо от того являются ли выселенцы членами колхозов или нет.

3. Освободить выселенцев из Прибалтики от уплаты сельскохозяйственного налога, подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселениях до 1952 года.

4. Наделить выселенцев, расселенных в колхозах и совхозах приусадебными участками под огороды и инд. жилищное строительство.

5. Разрешить родственникам выселенцев добровольно переселяться в Сибирь в места обязательного поселения, предоставлять им льготы, установленные для переселенцев“.³³

6. По ходатайству местных органов перед С. М. СССР ставились следующие вопросы: выделить фонды стройматериалов; отпустить для этих целей долгосрочные кредиты; обеспечить выдачу остро нуждающимся спецпереселенцам: многодетным матерям, одиноким, престарелым, инвалидам и нетрудоспособным единовременной, безвозмездной денежной помощи; выделить продовольственную помощь до нового урожая выселенцам размещенным в колхозах; разрешить за счет государственного плана контрактиции продавать выселенцам скот-молодняк в личное пользование; обеспечить выселенцев за их личные средства до наступления зимнего периода теплой одеждой; для устройства инвалидов, престарелых и нетрудоспособных „организовать специальные инвалидные дома в каждой области, крае, для чего отпустить необходимые денежные средства“.³⁴

Совет Министров СССР постановлением № 3229-1341с от 24 июня 1949 г. обязал Новосибирский, Омский, Курганский, Томский, Тюменский, Иркутский, Амурский облисполкомы, Красноярский, Алтайский крайисполкомы, советы министров Бурят-Монгольской АССР, Казахской ССР наделить приусадебными земельными участками „семьи выселенцев работающих в колхозах“.

Этим же постановлением рекомендовалось колхозам перечисленных регионов начислить трудодни выселенцам работающим в колхозах по нормам и расценкам существующим в колхозах. В целях быстрее обеспечения нормального, хозяйственного устройства „выселенцев из Прибалтики, Молдавии, Кавказа“ Совмин СССР обязал Министерство Финансов СССР предоставить кредиты сельхозбанкам для выдачи ссуд выселенцам на строительство и ремонт домов.

Однако до начала сентября 1949 г. Красноярскому краю, Омской и Курганской областям кредиты вообще не были выделены. Иркутской области был выдан кредит на сумму 5 000 000 рублей, но на 1 октября спецпоселенцы получили только 1 400 000 рублей.³⁵

Таким образом, на основе анализа новых, ранее секретных архивных источников можно сделать вывод о том, что процесс раскулачивания и выселения раскулаченных крестьянских семей продолжался в СССР четверть века с 1930 по 1952 гг. В нем отчетливо прослеживаются четыре этапа.

Первый этап осуществлялся в 1930 году, в ходе которого в основных зерновых районах было раскулачено 337 563 „кулацких хозяйства“ и выслана в отдаленные регионы СССР 115 231 семья³⁶.

Второй этап массовой кампании раскулачивания был проведен в 1931 году. В ходе его осуществления в зерновых, потребляющих и национальных районах было раскулачено 250 тысяч крестьянских хозяйств и выслано 265 795 семей.³⁷

Третий этап был осуществлен в 1933–1940 гг. в Северном Кавказе, Закавказье, Дагестане, Чечено-Ингушетии, на Украине, в Молдавии и в Прибалтике. В это время было раскулачено и выслано 212 630 крестьянских семей.³⁸

Последний, четвертый этап раскулачивания был осуществлен в 1945–1952 годах. В этот период в Прибалтийских республиках, Белоруссии, Молдавии, Средней Азии, Измаильской, Псковской областях было раскулачено 67 214 хозяйств и выслано в Сибирь, Казахстан 65 204 семьи.³⁹

За весь период раскулачивания в СССР с 1930 по 1952 годы по обнаруженным архивным данным было раскулачено 867 407 крестьянских хозяйств (без самораскулаченных) и выслано в отдаленные регионы СССР 658 860 семей в количестве 2 721 991 человек. По нашим самым тщательным подсчетам за 22 года массовых репрессий над крестьянством было ликвидировано (вместе с самораскулаченными) 1 100 тысяч хозяйств. В ходе раскулачивания пострадали физически, материально или морально 6,5–7 млн. человек. Около миллиона из них погибли в результате расстрела по приговорам троек ОГПУ, эпидемий и болезней в эшелонах и в местах спецпоселений.

Подробные данные о раскулаченных и высланных крестьянских семьях содержатся в таблице.

Таблица 3. Сведения о количестве раскулаченных и высланных крестьянских семьях в отдаленные регионы СССР с 1930 по 1952 гг.

Годы	Регионы раскулачивания	Кол-во семей	Число	В какие регионы высланы
1930	Основные зерновые районы	115 231	559 532	Казахстан, Урал, Северный край, Сибирь, Дальний Восток
1931	В 22 республиках, краях и областях	265 795	1 243 860	В 14 регионов СССР
1933	Северный Кавказ, Нижняя Волга, Украина, Закавказье	188 000	596 163	Сибирь, Северный край, Казахстан
1936	Дагестан, Чечено-Ингушетия, Украина	19 630	98 850	Казахстан, Киргизия
1940–1941	Прибалтика, Молдавия, Украина, Белоруссия	5 000	17 067	Сибирь, Казахстан, Якутия
1945 1948 1951	Литовская ССР	19 003	67 428	Сибирь
1948	Измайльская область	350	1 100	Казахстан
1949	Латвия, Литва, Эстония, Молдавия	43 758	129 409	Сибирь, Казахстан
1950	Средняя Азия, Псковская область	943	4 150	Казахстан, Сибирь
1952	Белорусская ССР	1 150	4 431	Сибирь
Всего		658 860	2 721 991	

После окончания Великой Отечественной войны по ходатайству местных партийных и советских органов власти начался процесс освобождения раскулаченных в 30-е годы семей из мест спецпоселения, члены которых принимали активное участие в войне. С 1945 по 1952 гг. были полностью восстановленные в

гражданских правах с выездом из ссылки около 900 тысяч человек спецпереселенцев категории „бывших кулаков“. А 13 августа 1954 года в начальный период дестабилизации тоталитарного режима в СССР Совет Министров Союза ССР принял постановление № 1738/789сс „О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц“. Совет Министров СССР постановил „... снять ограничения по спецпереселению с бывших кулаков, высланных в 1929–1933 годах из районов сплошной коллективизации“.⁴⁰ Так закончилась „пятилетняя ссылка“ для двух миллионов крестьян, затянущаяся на четверть века.

Спецпоселенцы последней волны раскулачивания были освобождены из районов спецпоселений после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности Сталина во второй половине 50-х годов.

Таким образом, на основе всестороннего, глубокого анализа и обобщений проблемы раскулачивания в СССР и его социально-экономических последствий можно сделать следующие выводы.

Политика раскулачивания в СССР не была продиктована объективной закономерностью развития советской деревни и исторической необходимости социалистического переустройства сельского хозяйства. Она была волюнтаристским проявлением сталинской стратегии формированного строительства социализма в СССР. Эта политика по формам и методам была репрессивной, антигуманной, по сути своей антикрестьянской и реакционной. Политика раскулачивания в СССР была аномальным, одиозным явлением политической жизни в истории человечества и не получила повторения и развития в практике мирового социалистического содружества.

Раскулачивание в СССР, вопреки догматического представления о нем – сложный, противоречивый, политический, социально-экономический и идейно-нравственный процесс. Он осуществлялся на протяжении 25-ти лет. Наиболее масштабно и интенсивно он проходил в 1930, 1931, 1933, 1936, 1949 годах.

По времени процесс массовых репрессий и депортации крестьянских семей в СССР совпал с утверждением и господством сталинского диктаторского режима. Внутренняя, глубинная связь между раскулачиванием в СССР и господством сталинщины вполне очевидна. Конец сталинщины положил конец и этому кровавому процессу.

Дать объективный, научный анализ этому драматическому процессу в истории России, государств ближнего зарубежья, входивших в состав СССР – долг ученых обществоведов.

Примечания:

1. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4055. А. 47.
2. Там же. Ф.9414. Оп. 1. Д. 1943. А. 6-7.
3. Там же. Д. 1944. А. 47.
4. Там же. Ф.9479. Оп. 1. Д. 62. А. 6.
5. Там же. Д. 18. А. 1.
6. Там же. Д. 15. Л. Л. 3-25.
7. Там же. Д. 35. Л. 31.
8. Там же.
9. Там же. Д. 267. Л. 81.
10. Там же. Д. 641. Л. Л. 95-98, 363, 367, 368.
11. Там же.
12. Там же. Д. 267. Л. 234.
13. Там же. Л. Л. 234-244.
14. Там же. Л. 234.
15. Там же. Л. 235.
16. Там же. Л. Л. 236-237.
17. Там же. Л. 234.
18. Там же. Л. 238.
19. Там же. Л. 244.
20. Там же. Д. 19. Л. 1.
21. Там же. Д. 267. Л. 238.
22. Там же. Л. 241.

23. Там же. Л. 239.
24. Там же. Д. 515. Л. 157.
25. Там же. Л. 158.
26. Там же. Л. 159.
27. Там же. Л. 164.
28. Там же. Л. 165.
29. Там же. Д. 267. Л. 241.
30. Там же.
31. Там же. Л. Л. 241–242.
32. Там же. Л. 242.
33. Там же. Л. 245.
34. Там же. Л. 246.
35. Там же. Л. Л. 247–248.
36. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 99.
37. Там же. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4058. Л. Л. 33–48.
38. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 15. Л. Л. 25–31; Д. 35. Л. Л. 50–53
39. Там же. Д. 641. Л. Л. 95–98, 363, 368.
40. Там же. Ф. 9401^a. Оп. 1^a. Д. 528. Л. 223.

PASKUTINIS IŠBUOŽINIMO ETAPAS SOVIETŲ SĄJUNGOJE (1945–1952 M.)

VIKTORAS ŠAŠKOVAS

S a n t r a u k a

Vadinamasis išbuožinimas, galutinė kaimo eksproprijacija, stiprių ir tvarkingų ūkininkų trėmimas į Sibirą ir kitus tolimus SSRS rajonus buvo sudėtinė „socializmo kūrimo“ programos įgyvendinimo dalis. Straipsnio autorius bendrais bruožais aptaria vadinamąjį išbuožinimo ir trėmimų socialiniais motyvais procesą iki Vokietijos–SSRS karo pradžios ir daugiausia dėmesio skiria paskutiniajam, ketvirtajam, išbuožinimo etapui, kai į šį procesą buvo įtrauktas ir Lietuvos kaimas. Lietuvoje 1945–1951 m. dėl socialinių motyvų (išbuožinimas) buvo represuota 28 521 šeima ir dėl to ištremta į Sibirą 99 336 žmonės. Šiuo baigiamuoju išbuožinimo laikotarpiu buvo tremiami valstiečiai iš Latvijos, Estijos,

Moldovos, Pskovo srities (latviški valsčiai), Baltarusijos (Vakarų sritys), Izmailo srities ir netgi Vidurinės Azijos, bet dėl to labiausiai nukentėjo Lietuvos ūkininkai, – jie sudarė beveik pusę ištremtųjų dėl socialinių motyvų. Straipsnyje autorius, remdamasis Maskvos archyvų informacija, bando parodyti trėmimų mechanizmą. Autorius taip pat bando analizuoti, kodėl dažnai nesutampa tremtinių skaičiai įvairiuose oficialiuose to meto dokumentuose. Taip pat bent jau epizodiškai parodoma, į kokias buitines bei darbo sąlygas pateko tremtiniai. Lietuvos tremtiniai parodomi bendroje SSRS tremtinių dėl socialinių motyvų (išbuožinimas) statistikoje.

THE LAST STAGE OF “KULAK” EXTERMINATION IN THE SOVIET UNION (1945–1952)

VICTOR SHASHKOW

S u m m a r y

The extermination of “kulaks” i. e. the last stage of village expropriation, exile of wealthy farmers to the Siberia or other distant regions of the Soviet Union was a part of the “Socialism creation” programme. The author reviews in brief the process of “kulaks” extermination and exile in terms of social aspects until the Germany-USSR war. The greatest emphasis is put on the last forth stage of the process mentioned with the involvement of Lithuanian village. It was estimated that 28 521 families i. e. 99 336 people from Lithuania were exiled to the Siberia during the period 1945–1951. At that time the peasants from Latvia, Estonia, Moldavia, Pskov region (Latvian discredits), Beloruss (West part), Izmail region and even Middle Asia were exiled to the Siberia but the biggest part (half of them) was comprised by the Lithuanian farmers. Referring to the Moscow archives the author makes an attempt to reveal the mechanism of exile and answer the question concerning different figures on exiled people given in various official documents of that time. An every-day life and working conditions of exiles are also briefly discussed. The exiles from Lithuania are considered in the contexts of general statistics of all Soviet socially-based exiles.